

Глухая полночь — час призраков и затаившегося ветра. Город погрузился в сонную, липкую тишину.

Юй Цинъинь, словно тень, скользнул по задней стене поместья Су. Оказавшись наверху, он замер, настраивая чувства на поиск чужеродной энергии. Нынешняя госпожа Су разительно отличалась повадками от той Цинхуань, которую он знал прежде, и Глава павильона Юйсюань всерьёз подозревал подмену. Днём он пытался прощупать её ауру, но, к своему удивлению, не обнаружил ни единой зацепки. Поместье Су оказалось не слишком просторным — побольше его родного Юйсюаня, но недостаточно огромным, чтобы такой знаток тайных троп, как он, мог там заблудиться.

Долгое время Цинъинь просидел на карнизе, наблюдая за суетой служанок и чутко прислушиваясь к их шепоткам. Наконец, определив, где находятся покои хозяйки, он сложил пальцы в печати, полностью скрыв своё присутствие и облик.

«Любовь к прекрасному — не порок, а веление сердца», — оправдывал он себя.

Цинхуань всегда была писаной красавицей, и он не мог упустить случая полюбоваться ею во время омовения. У него, по совести говоря, вообще не было вредных привычек. Ну, разве что любовь к хорошему вину... и тяга к объятиям прелестных созданий.

Притаившись у окна, Юй Цинъинь осторожно проткнул пальцем тонкую бумагу на раме. Чёрные пряди волос соскользнули ему на плечо. Но не успел он ничего разглядеть, как по спине пробежал ледяной холодок. Почувяв неладное, он резко обернулся, окинул взглядом двор, но не заметил ни единого подозрительного движения.

«Что ж, продолжим просмотр».

Если бы Вэйян узнал о нынешних проделках своего господина, он бы точно надулся и перестал с ним разговаривать.

Цинъинь и сам толком не помнил, каким он был до своего перерождения в пламени Нирваны, но нынешняя его жизнь протекала весьма... вольно. В беседах с Симином он частенько подшучивал над собой, называя себя «белой вороной» Трёх миров — то ли богом, то ли демоном, да ещё и с этой неискоренимой слабостью к красивым лицам. Симин на такие жалобы обычно отвечал кратко: «И прекрасно. Зато тебе подвластны сердца и мужчин, и женщин». Он и сам не видел в этом беды. Он не признавал условностей и мирских приличий: если кто-то нравился — он шёл и добивался своего, и неважно, бог это был или демон, юноша или дева.

В комнате дрожали огни красных свечей, слышался тихий плеск воды. Предчувствие его не обмануло: госпожа Су принимала ванну. Вскоре она вышла из-за ширмы, обернувшись в

тонкий шёлк. Юй Циньинь прищурился: формы её, может, и не были безупречными, но вполне могли считаться изысканными. Женщина не замечала соглядатая и неторопливо вытирала кожу, не чувствуя никакой опасности.

Юй Циньинь подавил зевок. Наблюдение становилось скучноватым — цель никак не выдавала своей истинной сути. Ещё немного, и, если после того, как она оденется, ничего не прояснится, он вернётся в корчму спать.

В момент этой секундной расслабленности ночной воздух вдруг вспорол резкий свист. Что-то на бешеной скорости несло прямо ему в лицо. Боясь поднять шум, Циньинь лишь слегка качнулся в сторону, но этого оказалось недостаточно. Острое лезвие с глухим звуком вошло в его правое плечо.

Стиснув зубы, он сдержал стон и устоял на ногах.

Наконечник вонзился в плоть на добрых два цуня. Нападавший был мастером.

Юй Циньинь скосил глаза на рану. Стрела явно была не из мира смертных.

«А вот и твоя ошибка, голубчик».

Даже если госпожа Су казалась чистой, эта атака была прямым доказательством того, что за делом стоит некто иной. Кто-то решил вставить палки в колёса Главе павильона Юйсюань? Что ж, Циньинь выяснит, кому из бессмертных стало так скучно жить.

Враг не дал ему времени на передышку — вторая стрела, окрылённая ветром, уже летела следом. Но на этот раз Циньинь был начеку. Ловко уклонившись, он перехватил древко правой рукой. Быстрый взгляд на наконечник: черная маслянистая слизь.

«Надо же, ещё и яд? Сурово».

Неужто старые враги объявились, те, что знали его ещё до костра Нирваны? Юй Циньинь решил не лезть на рожон. Сейчас лучше было отступить, пока он не узнал слишком много «закулисных» тайн. Петляя по саду, он использовал кусты и деревья как прикрытие. Какая бы отравка ни была на стреле, её нужно было вытащить немедленно.

Прислонившись к дереву, он, преодолевая боль, рванул стрелу из плеча. Разорвав ворот, он увидел, что кровь из раны течёт уже не алая, а тёмная, почти чёрная. Циньинь замер, затем коснулся груди и тяжело вздохнул.

Яд был пропитан энергией Инь — предельно холодной. Из-за нарушения баланса его собственные магические силы оказались скованы.

Нужно было срочно возвращаться на постоянный двор. Сложив пальцы в последней печати, он обернулся серым невзрачным воробьём и, тяжело взмахивая крыльями, вылетел за пределы поместья Су.

Луна стояла высоко, заливая мир серебристым сиянием. Только этот свет и помог раненому фениксу не потерять дорогу из-за потери крови. Кое-как дотянув до корчмы, он из последних сил впорхнул в окно второго этажа и, вернув себе человеческий облик, бессильно опустился на подоконник. В голове навязчиво крутилась мысль: за ним следили. В поместье Су его ждали, словно глупого зайца, прыгнувшего прямо в капкан.

Юй Цинъинь спрыгнул на пол.

— Глава, вы ранены?

Свеча, которую он собирался зажечь, едва не выпала из дрогнувших пальцев.

— Вэйян? Ты... разве ты не спал?

Дрожащий огонёк свечи наполнил комнату тусклым желтоватым светом. Вэйян стоял у стола, глядя на господина с тревогой и испугом.

— Я знал, что вы не усидите на месте и обязательно что-нибудь предпримете ночью. Проснулся от беспокойства и заглянул к вам... а в комнате пусто.

Цинъинь подошёл к слуге и ласково похлопал по плечу:

— Прости, что заставил волноваться. Со мной всё в порядке, иди спать.

— Но ваша рана... — Вэйян не сводил глаз с его правого плеча. Разорванная ткань была залита тёмной кровью, обнажая воспалённую кожу.

— Ерунда, иди, — в голосе Цинъиня прозвучала сталь. Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Вэйян колебался, но приказы Главы павильона Юйсюань не обсуждались. Он был преданным слугой и не смел перечить.

— Я принесу горячей воды.

— Хорошо.

Как только дверь за Вэйяном закрылась, Цинъинь позволил себе расслабиться. Боль в плече вспыхнула с новой силой, пронзая до самого сердца. Он едва держался на ногах. Судя по всему, яд принадлежал выходцам из Подземного царства Юймин — либо призракам, либо демонам.

«Похоже, придётся нанести визит Князю призраков Ли Е, помянуть былое», — подумал он.

Спустив одежду до пояса, Цинъинь перехватил кинжал левой рукой, собираясь срезать почерневшую, омертвевшую плоть вокруг раны. Но для правши это была задачка не из лёгких. Он, пошатываясь, поднёс лезвие к плечу, но не успел коснуться кожи — его запястье перехватила сильная рука.

Сначала он увидел чёрные одежды с серебряным шитьём. Затем — длинные пряди волос, ниспадающие на грудь. Цинъинь поднял взгляд и встретился с до боли знакомым лицом. Му Сибай смотрел на него бесстрастно, его взгляд был глубоким и неподвижным, как гладь ночного озера.

— На моё лицо налюбуйешься потом, когда обработаем рану.

— Кха-кха...

Юй Цинъинь неловко закашлялся и отвёл глаза. Снова он потерял голову перед лицом истинной красоты.

— Сибай, как ты здесь оказался? — Он даже не почувствовал его появления. Неужели яд настолько притупил чувства? — И почему Вэйян не сказал мне, что ты здесь?

— Он не знает.

Му Сибай заставил его сесть, надавив на плечи. Он закатал широкие рукава, забрал у Цинъиня кинжал и протянул свою правую руку прямо ему к лицу. Тот замер, не понимая, чего от него хотят.

— А?

— Я левша, — голос Му Сибая звучал холодно в лунном свете. — Будет больно. Кусай мою руку.

Цинъинь опешил. Он хоть и боялся боли, но кусать Сибая? Как такое вообще могло прийти в голову?

— Нет-нет, всё в порядке, я потерплю.

Он попытался отстраниться, машинально прикрываясь одеждой.

— Ты... — Сибай вдруг замялся.

— М?

Му Сибай молча встретил его взгляд, не проронив ни слова.

До Циньиня наконец дошло: он сидел перед ним практически нагим. Несмотря на всю свою толстокожесть и то, что они оба были мужчинами, такая внезапная близость вне постели заставила его смутиться.

— Ха-ха... Сибай, ты ведь знаешь, я не совсем человек... то есть не обычный смертный, — Циньинь лихорадочно пытался прикрыться снятым халатом. — Так что не бери в голову эти приличия, правда.

Он изо всех сил пытался разрядить обстановку, но Му Сибай оставался невозмутим, словно и не заметил его наготы. Циньинь почувствовал себя неловко: Сибай даже не покраснел. Может, он и не таких видал?

— Мне всё равно. Не закрывайся.

Циньинь вздохнул, понимая, что его напрасные оправдания не возымели эффекта.

— Раз ты здесь, то где малыш Нехуан?

Нужно было срочно сменить тему.

— Хуан-эр в Юйсюане, — Му Сибай осторожно коснулся кончиком кинжала края раны. Циньинь резко втянул воздух сквозь зубы.

Движения Сибая стали ещё нежнее, кинжал в его руках двигался легко, словно птичье перо.

— Когда я вернулся туда, встретил Сими́на. Он сказал, что ты в Цзянькане.

— Сими́н... — «Этот прохвост опять припёрся воровать моё вино, пока меня нет! Вернись — сдеру с него втрое».

— Будет больно. Если не сможешь терпеть — кусай.

Му Сибай крепко прижал ладонь к плечу Циньиня и, прежде чем тот успел осознать смысл слов, сделал несколько быстрых, точных движений. Омертвевшая плоть была срезана одним махом. Циньинь даже не успел вскрикнуть — лишь содрогнулся всем телом, когда волна невыносимой боли захлестнула его сознание. Му Сибай среагировал мгновенно: оторвав полосу ткани от одежды феникса, он плотно прижал её к кровоточащей ране.

<http://bllate.org/book/17464/1692713>